
СЕМЬ СЕСТЁР ЖЕСТОКОСТИ
СЕСТРА ПЕРВАЯ
ЖЕСТОКОСТЬ СЛОВА
Рейвен Вайс

Рейвен Вайс

Жестокость слова

«Автор»
2026

Вайс Р.

Жестокость слова / Р. Вайс — «Автор», 2026

Евфимия — хороший психолог. Она умеет слушать, не осуждает и никогда не навязывает своих решений. Только задает вопросы.Но иногда одного правильно заданного вопроса достаточно, чтобы навсегда изменить чужую жизнь.Где заканчивается помощь и начинается жестокость, если для нее не нужно даже повышать голос?

© Вайс Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Рука помощи 5
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Рейвен Вайс
Жестокость слова

Глава 1. Рука помощи

«Из
всех видов жестокости я считаю самым ненавистным тот, который надевает на себя
маску милосердия»
Чарльз Фокс

Наверное, в ней из необычного было только имя. Евфимия. Или просто — Фима. «Благоречивая». Она не знала, чем руководствовалась ее мать, когда вписывала это в свидетельство о рождении, но и расспрашивать ее Евфимия не пыталась. За все свои сорок два года она уяснила — мама слишком оторвана от реального мира, чтобы быть «как все». Подобное часто происходит с религиозными людьми. Слишком религиозными.

Но зато Евфимия, отданная в раннем детстве на воспитание бабушке, росла как самый приземленный и простой человек. Может, даже правильно было бы назвать ее серой мышью (а так она себя в мыслях и называла, без злого умысла), поскольку ни талантами, ни какими-либо выразительными качествами она не обладала. Даже интересы, и те почти не просвечивались в повседневной рутине. Детство, лишенное роскоши, но не простых малолетних забав и друзей. Школа с калейдоскопом самых разных оценок по всем предметам. Университет, еще университет, стажировки… И вот, теперь работа.

Евфимия всегда приходила на работу раньше положенного.

Не потому, что боялась опоздать. Просто ей нравились те двадцать минут, когда кабинет принадлежал только ей: без телефонных звонков за стенкой, чужих голосов и необходимости постоянно следить за временем. Это золотой час, когда можно спокойно снять пальто, выпить чай или кофе, привести все в порядок и настроиться на предстоящий день.

Ее кабинет располагался на втором этаже старого трехэтажного здания, в котором когда-то находилась городская библиотека. От прежних времен здесь остались широкие подоконники, высокие потолки и деревянные двери с тяжелыми латунными ручками. Зимой здесь всегда царила прохлада, так что в массивном шкафу у нее была припрятана пара шерстяных пледов, но зато летом даже в самый сильный зной сохранялась приятная свежесть.

Помещение Евфимия снимала уже шестой год и за это время успела обжить его настолько, что иногда чувствовала себя здесь уютнее, чем в собственной квартире. У окна стояло ее рабочее место: небольшой письменный стол, компьютер, настольная лампа с теплым светом и стакан с ручками и карандашами. Вдоль противоположной стены тянулся книжный шкаф. Нижние полки занимали профессиональные издания по психологии от общей до клинической, а также по психиатрии; там же располагались справочники и папки с документами. Верхние полки занимала поучительная в своей глубине художественная литература, несколько сувениров от клиентов и старые семейные фотографии. На одной из них Евфимия стояла рядом с бывшими однокурсниками, улыбаясь так широко, что глаза превратились в узкие щелочки. По правде сказать, она и не помнила, что заставило ее в тот момент так улыбаться.

Основное пространство кабинета занимали два кресла, поставленные друг напротив друга под небольшим углом. Между ними находился круглый журнальный столик, на котором всегда стояли графин с водой, два стакана и коробка бумажных салфеток. Кресла Евфимия

выбирала долго. Ей хотелось, чтобы они выглядели одинаково удобными, хотя собственное она предпочитала чуть более жестким. Клиентам же полагалось сидеть на мягком, не отвлекаясь на то, что спина во время их беседы могла бы затечь, или неудобный подлокотник врезаться в бок и оставлять синяки на руках. Ведь физический комфорт человека, который пришел получить психологическую помощь, не менее важен, чем сам процесс оказания этой помощи.

Впрочем, все равно угодить всем своим клиентам у нее не вышло. Однажды выяснилось, что не все разделяют ее представления о комфорте. Пожилой мужчина, пришедший обсудить отношения с сыном, почти всю первую встречу просидел на самом краешке кресла, а на второй сеанс попросил обычный деревянный стул. Евфимия принесла его из соседнего кабинета и с тех пор держала возле книжного шкафа.

Это дало новое, до удивления простое понимание: если позволить человеку самому выбрать, где и как сидеть, то ему станет проще рассказывать о самом сокровенном.

Сняв пальто, Евфимия повесила его в шкаф и подошла к окну. За стеклом моросил холодный, как миллиарды острых снежинок, ноябрьский дождь. Напротив, возле продуктового магазина, дворник сгребал мокрую листву в большую кучу. Она ненадолго приоткрыла форточку, впуская в комнату прохладный воздух. Потом протерла журнальный столик, поправила подушки, заменила почти пустую коробку салфеток и проверила графин. Воды оставалось меньше половины, поэтому пришлось сходить к кулеру в коридоре.

Вернувшись, она поставила графин на место и огляделась.

Кажется, все готово для первого приема.

На стене напротив кресел висели часы. Евфимия нарочно выбрала модель с бесшумным механизмом: ей не нравилось, когда тиканье отвлекало от разговора. И все же часы были необходимы. Некоторые умели за пятьдесят минут рассказать историю всей своей жизни, другим требовалось полчаса, чтобы решиться произнести что-то по-настоящему важное.

Евфимия не торопила ни тех ни других. Во всяком случае, старалась.

Сверившись с часами, она села за стол и открыла ежедневник. Оставалось еще несколько минут.

На сегодня было назначено пять встреч. Первым должен был прийти Андрей Константинович — мужчина тридцати шести лет, руководитель небольшого отдела в строительной компании. После него ожидалась Галина Петровна, затем — новая клиентка, с которой только предстояло познакомиться, и волонтер из местного приюта для животных, который переживает, что любит собак больше, чем собственных детей.

Обычный рабочий день.

Евфимия улыбнулась и сделала маленький глоток чая. Ей нравилась ее работа. Иногда она думала, что должна была прийти к ней гораздо раньше.

В юности Евфимия вообще не представляла, кем хочет стать. Училась хорошо, но без особенного блеска, не увлекалась ничем настолько сильно, чтобы посвятить этому всю жизнь. Когда пришло время выбирать профессию, остановилась на экономике — мама и бабушка одобрили, знакомые сказали, что специальность надежная, да и сама она ничего против не имела.

Потом были университет, диплом, работа в бухгалтерском отделе небольшой фирмы, другая работа, третья. Ее карьера складывалась вполне благополучно. Евфимия не стремилась к руководящим должностям, зато отличалась аккуратностью и исполнительностью. Она редко ошибалась в документах, никогда не опаздывала со сроками и умела ладить даже с самыми раздражительными коллегами.

Правда, сама работа не приносила особенного удовольствия. Цифры оставались цифрами. Если все было сделано правильно, никто этого не замечал. Если допускалась ошибка, замечали немедленно.

Гораздо интереснее Евфимии было разговаривать с людьми. В обеденный перерыв к ее столу нередко подсаживались коллеги. Одна жаловалась на мужа, другая переживала из-за поступления сына, третья собиралась увольняться, но боялась перемен. Евфимия слушала их. Иногда задавала вопросы, иногда сочувственно кивала. Советов давать не любила: ей всегда казалось, что постороннему человеку трудно разобраться в чужой жизни настолько хорошо, чтобы решать за другого. Но зато она умела замечать мелочи. Однажды коллега по имени Ольга целую неделю рассказывала, как ее раздражает новая начальница. Евфимия долго слушала про придирки к документам и нереалистичным срокам по горе рабочих задач, а потом спросила:

— А тебе вообще нравится эта работа?

Ольга удивилась.

— При чем здесь это?

— Ну, ты столько говоришь о начальнице. А про саму работу не говоришь почти ничего.

Ольга тогда отмахнулась. Но спустя несколько дней вернулась к разговору и призналась, что действительно давно хотела сменить сферу деятельности. Просто удобнее было считать причиной своего недовольства начальницу.

Евфимия почти забыла об этом случае, пока несколько месяцев спустя Ольга не принесла ей коробку конфет. Она уволилась, устроилась в другую компанию и, судя по всему, стала гораздо счастливее.

— Ты мне тогда очень правильный вопрос задала, — объяснила она. — Я потом все думала над ним. Представляешь, сколько лет мне понадобилось, чтобы понять такую простую вещь?

Евфимия смутилась. Она ведь ничего особенного не сделала. Даже совета не дала, только задала вопрос. Но слова Ольги почему-то запомнились надолго.

Вскоре Евфимия начала читать книги по психологии. Сначала популярные, затем более серьезные. Пыталась разобраться, почему люди повторяют одни и те же ошибки, как формируются их привычки малые и гораздо более масштабные (практически привычки жить так, как они живут), что заставляет человека оставаться в отношениях, которые делают его несчастным, и многое, многое другое.

Постепенно интерес перерос в увлечение, а увлечение породило довольно смелую для нее мысль. Ей было уже за тридцать, когда она решила получить второе образование. Родственники удивлялись. Коллеги шутили, что у нее слишком много свободного времени. Кто-то даже спросил, не собирается ли она теперь лечить знакомых по фотографии. Евфимия тогда смеялась вместе со всеми. Но заявление на поступление все-таки подала.

Следующие несколько лет оказались непростыми. Днем она работала, по вечерам училась, выходные проводила за учебниками. Потом шла целая череда практических занятий, первые консультации под наблюдением более опытных специалистов, дополнительное обучение, профессиональные разборы сложных случаев, семинары, сборы, и так до бесконечности…

Евфимия быстро обнаружила, что психология совсем не похожа на то, что она представляла себе по книгам. Люди редко приходили с ясным вопросом и редко уходили с готовым ответом. Иногда человек говорил, что хочет развестись, а через десять минут признавался, что боится одиночества. Иногда жаловался на конфликты с родителями, хотя на самом деле испытывал чувство вины за самостоятельные решения в жизни. А порой клиент проводил целую встречу в молчании, пытаясь подобрать слова для чувства, которому прежде даже не давал названия или вовсе в себе не замечал.

Евфимию это не разочаровало. Напротив! Ей нравилось постепенно разбираться в чужой истории. Выслушивать разные, порой противоречащие друг другу подробности, возвращаться к тому, что казалось незначительным, находить связи между событиями. Особенно ценными были моменты, когда клиент вдруг замолкал посреди фразы, задумывался и говорил: «Подождите... Я никогда об этом не думал». Тогда Евфимия чувствовала, что они движутся вперед.

Впрочем, преподаватели часто напоминали ей: задача психолога не в том, чтобы продемонстрировать собственную проницательность.

— Не нужно стремиться понять человека быстрее, чем он сам, — говорил один из ее наставников. — Вы ведь не соревнуетесь с ним. И не разгадываете загадку.

Евфимия запомнила эти слова. Старалась следовать им. И все же иногда ей было трудно удержаться от вопроса, ответ на который она, как ей казалось, уже знала.

Со временем она научилась проявлять терпение. По крайней мере, ей так казалось.

Собственную практику Евфимия открывала с большим волнением. Первые месяцы клиентов почти не было. Она боялась, что никто так и не доверится ей, что она не сумеет помочь людям, что зря потратила столько сил и денег на новое образование, и вообще лучше бы она продолжала работать с цифрами и выслушивать жалобы коллег...

Но люди стали приходить. Постепенно, не толпами, но все чаще и больше. А потом начали рекомендовать ее услуги знакомым. Они ценили, что с ней легко разговаривать, что она не осуждает и внимательно слушает. Некоторые особенно отмечали ее спокойствие: Евфимия никогда не повышала голос, не делала поспешных выводов и не пыталась заполнить возникающую паузу.

Она и сама считала умение молчать одним из важнейших профессиональных навыков. Хотя это давалось ей не так легко, как казалось окружающим. Иногда, слушая человека, она вдруг понимала, что тот упускает нечто очевидное. Ей хотелось прервать его, объяснить, обратить внимание на противоречие. Но Евфимия напоминала себе, что ее задача — помочь человеку разобраться самостоятельно.

Поэтому она ждала. Переспрашивала. Предлагала посмотреть на ситуацию с другой стороны. И порой испытывала совершенно искреннюю радость, когда человек наконец приходил к выводу, который ей самой показался очевидным еще в начале встречи.

Это было приятно. Евфимия любила такие моменты.

Пожалуй, ради них она и работала.

В дверь осторожно постучали. Евфимия взглянула на часы: без двух минут девять. Пунктуальность Андрея Константиновича оставалась неизменной.

— Входите!

На пороге появился мужчина в темно-синем пальто. Он держал в одной руке сложенный зонт, в другой — своего верного спутника, рабочий телефон.

— Доброе утро, Евфимия Сергеевна.

— Доброе утро, Андрей. Проходите, присаживайтесь.

Он снял пальто, неловко пристроил зонт возле двери и, прежде чем сесть, еще раз взглянул на телефон.

— Можете ответить, если что-то срочное, — предложила Евфимия.

— Да нет, ерунда. — Он отключил звук.

Евфимия заметила, что мужчина выглядел уставшим. Под глазами залегли тени, на подбородке проступила щетина. На предыдущей встрече он рассказывал о проблемах на работе и постоянных просьбах родственников. Судя по всему, за прошедшую неделю ситуация не улучшилась.

Она подождала, пока Андрей устроится поудобнее, села напротив и спросила:

— С чего вам хотелось бы сегодня начать?

Он вздохнул.

— Я опять не смог отказать брату.

— Расскажите, что произошло.

— Да все как обычно. Позвонил вчера вечером, попросил денег. У него какие-то проблемы с машиной. Я сказал, что сам сейчас не в лучшем положении, но он начал объяснять, что ему срочно нужно. Ну и...

Андрей развел руками.

— Дал, в общем.

— И как вы к этому относитесь?

— Да как... Злюсь, конечно.

— На брата?

— На себя.

Евфимия кивнула так, словно это был правильный вариант ответа.

— Почему?

— Потому что я тряпка, — он произнес это с такой злостью, словно хотел, чтобы она немедленно согласилась.

Евфимия не согласилась.

— Что вы вкладываете в это слово?

Андрей нахмурился.

— Ну... Не могу отстоять свое мнение. Все на мне ездят. Вечно соглашаюсь дать в долг, который мне никто, конечно же, не вернет, даже когда не хочу этого делать.

— А что, по-вашему, произошло бы, если бы вы отказали?

— Брат обиделся бы.

— И?

— Что «и»?

— Что произошло бы потом?

Андрей открыл рот, но ничего не сказал. Некоторое время он смотрел на свои руки.

— Не знаю, — наконец признался он. — Наверное, перестал бы со мной разговаривать.

— Такое уже случалось?

— Да нет. То есть ругались мы, конечно, но...

Он задумался. Евфимия спокойно ждала. Андрей потеребил ремешок часов.

— Знаете, странно, — произнес он наконец. — Я ведь даже не уверен, что он действительно обиделся бы.

— Почему же вы решили, что это обязательно произойдет?

— Наверное, потому что...

Он замолчал. Евфимия чуть подалась вперед. Ей показалось, что сейчас Андрей вспомнит что-то важное. Возможно, разговор с родителями. Или давнюю ссору, после которой начал бояться чужого недовольства. Она уже приготовилась задать следующий вопрос, но вовремя остановила себя. Пусть подумает. Не стоит торопиться. Еще немного, и он сам, сам скажет что-нибудь, за что она сможет зацепиться. Захватит, как ниточку, потянув за которую, она распутает в нем тяготящий его клубок. Еще немного. Еще чуть-чуть стоит подождать, и…

За окном зашумел проезжавший автомобиль. Где-то в коридоре хлопнула дверь, послышались приглушенные голоса. А Андрей все молчал и молчал. Евфимия крепко сцепила пальцы в замок, уговаривая себя не открывать рот, как тут он медленно поднял голову.

— Наверное, мне кажется, будто если я не буду всем помогать, меня никто не станет любить.

Он произнес это тихо, почти удивленно, и посмотрел на Евфимию. Он… он словно ожидал, что она сейчас объяснит, насколько глупы эти мысли. Смотрел на нее почти с надеждой в грустных-грустных и непомерно уставших глазах. Уставших от того, что никому он не нужен без своих денег и безрассудного дурацкого «альтруизма».

Но она лишь спросила:

— Давно у вас это чувство?

— Да это… Кажется, всю жизнь, — Андрей опустил глаза.

Евфимия позволила наступившей тишине продлиться еще немного. Потом еще немного и еще… У них оставалось тридцать минут. Времени вполне достаточно. Она немного попра-

вила лежавший на коленях блокнот и приготовилась слушать дальше. И в эту минуту Евфимия была совершенно уверена, что занимается именно тем, для чего рождена.

— Знаете, — продолжил он наконец, вызывая искру ликования в груди Евфимии, — я ведь даже с родителями никогда не спорил. Мать всегда говорила, что я у нее единственная радость. Что, кроме меня, ей надеяться не на кого.

— А ваш брат?

— Ну а что этот брат-то? — горькая усмешка исказила его лицо. — С него какой спрос? Он у нас всегда был непутевый. А я же старший, вся надежда на меня, и все шишки мне. Если брат что натворит, то ругали почему-то меня, даже когда мы оба под стол пешком ходили. Мол, почему не уследил? Почему не остановил? Ты же старший, должен соображать…

Евфимия кивнула. Такие семейные установки, как правило, прочно укореняются в умах большинства людей. И она прекрасно знала, какой эффект могут оказать на будущее человека.

— Получается, вы с детства привыкли отвечать не только за себя, но и за других?

— Получается, так.

— А что случалось, если вы не справлялись?

Андрей нахмурился и призадумался.

— Мать расстраивалась. Говорила, что я ее подвел. Иногда могла весь вечер со мной не разговаривать.

— И что вы тогда чувствовали?

— Да я не помню уже. Маленький был.

Евфимия не стала настаивать. Она заметила, как мужчина вновь потянулся к ремешку часов — за последние десять минут он сделал это уже несколько раз.

— Хорошо. Давайте попробуем немного иначе. Представьте, что ваш брат снова звонит и просит денег. Вы отказываете. Он обижается и перестает с вами разговаривать. Что тогда?

— Ну... Мне будет неприятно.

— Конечно.

— Наверное, начну переживать. Позвоню ему сам, попробую как-то… объяснить, что ли.

— А если он не захочет слушать?

— Не знаю. Буду извиняться, наверное.

— За что?

Андрей открыл рот и тут же закрыл. Вновь нахмурился, но уже немного иначе. Хорошо…

— Вот ведь... И правда. За что?

Евфимия улыбнулась. Ей нравились такие моменты, когда один ее простой вопрос позволял человеку увидеть привычную ситуацию совершенно иначе.

— Вы имеете право распоряжаться собственными деньгами, Андрей. Как и ваш брат имеет право расстроиться из-за отказа. Но его чувства не обязательно означают, что вы поступили неправильно.

— Да-а, да. Логично. Умом-то я это понимаю.

— А чувства пока не успевают за разумом?

Он рассмеялся.

— Вот именно. Лучше и не скажешь.

Оставшуюся часть встречи они говорили о том, как Андрей мог бы научиться отказывать, не испытывая необходимости немедленно оправдываться. Евфимия предложила ему понаблюдать, в каких обстоятельствах он соглашается против своей воли, а потом рассказать об этом на следующей встрече.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.